

витель последующего списка (редакции? — А. Р.), заметив, что предшественник (или автор) забыл небесное воинство и отнес всю честь победы на долю казаков, ... от себя внес соответствующие дополнения сообразно существовавшим стереотипам русских воинских повестей".¹ Но аргумент подобного рода мало помогает делу, так как, исходя из данных III, IV редакций и Сказочной повести, мы с таким же успехом можем отнести эти „риторические“ вопросы к автору повести и заявить, что и он не мог быть „вольнодумцем“, и он не мог объяснить, казалось бы, неожиданную победу без традиционной для повестей вообще помощи „небесных сил“. В заключение своей работы Н. И. Сутт еще раз отмечает, что только впоследствии, в результате переработок, текст повести, „пополнялся за счет литературных шаблонов, за счет включения элементов церковной фантастики, далекой от всякой историчности“.²

Однако правильна ли попытка Н. И. Сутта рассматривать изображенные в повести картины помощи „небесных сил“ казакам просто, как позднейшие наслоения риторических „шаблонов“, чуждых ее автору и далеким „от всякой историчности“? Отрицание „всякой историчности“ данных фантастических представлений для идеологии средневековья означало бы отказ от правильного понимания этой идеологии. Такая попытка, как нам кажется, обнаруживает не только игнорирование названным исследователем существенных элементов содержания и стиля повести, но и слишком невнимательное отношение его к тем историческим условиям, в которых это произведение возникло.

Сами казаки, как и все их сторонники в политической борьбе за присоединение Азова к России, которая разгорелась в Москве в 1642 г., в своих официальных документах на царское имя не только не относили „всю честь победы“ на долю казачества, как кажется Н. И. Сутту, но, напротив, постоянно подчеркивали, что Азов взят и удержан „помощью и заступлением“ „небесных сил“. Мы коснемся этого вопроса подробнее несколько ниже, а здесь только заметим, что автор нашей повести, как современник событий и защитник интересов Войска Донского,³ стремился всячески подчеркнуть и опозитизировать „богоугодность“ борьбы казачества за Азов, помощь ему якобы самого „господа бога“ и, напротив, оттенял „нечестивость“ противников — „прегордых варваров“, которые „обнадежились“ только на свою силу и „тленное“ богатство. Такая аргументация была весьма существенной в политической борьбе вокруг азовской проблемы. Вспомним основополагающие указания Ф. Энгельса о том, что „мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим“ и „церковная догма была исходным моментом

¹ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 6.

² Там же, стр. 49.

³ Наша гипотеза об авторе повести, высказанная еще в 1940 г. в докладе на занятиях семинария проф. Н. К. Гудзия (МИФЛИ им. Чернышевского), в настоящее время развита в статье „Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове“ (МГУ, Докл. и сообщ. Филол. фак., вып. V).